

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-176-181

**МИФОПОЭТИКА В ПРОЗЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «СОЛОВЬЕВ И ЛАРИОНОВ»
И «ОПРАВДАНИЕ ОСТРОВА»)**

© Альбина Салахова

**MYTHOPOETICS IN EVGENY VODOLAZKIN'S PROSE:
THE NOVELS "SOLOVYOV AND LARIONOV"
AND "JUSTIFICATION OF THE ISLAND"**

Albina Salakhova

The article identifies the function features of mythopoetics in the prose of the Russian writer Evgeny Vodolazkin. The purpose of the work is to show the specifics of mythopoetics in Evgeny Vodolazkin's prose based on his novels "Solovyov and Larionov" and "Justification of the Island". The main categories of mythopoetics in Vodolazkin's work are the connection of different historical eras ("inter-epochality"), mythological timelessness, and the moral category perceived through the prism of the Christian worldview. In addition, the article examines the images of the main characters and the features of the chronotope, which are also mythopoetic, used to highlight the writer's conceptual vision of history and time. The specificity of Vodolazkin's authorial myth is consistent in the two selected novels, although the writer develops the history and time categories differently in them. In the novel "Solovyov and Larionov", history is presented as the interpenetration and interlacement of two historical eras. In the novel "Justification of the Island", Vodolazkin addresses the history of a mythical non-existent Island. The synthesis of fictional and documentary elements is manifested in different ways – in "Solovyov and Larionov", the documentary aspect is presented from the point of view of scientific discourse, in "Justification of the Island" – by means of a chronicle narrative. However, the documentary element in the named works only emphasizes the mythopoetic nature of fiction in these novels.

Keywords: mythopoetics, historicism, mythologism, timelessness, E. Vodolazkin

В статье производится попытка выявления особенностей функционирования мифопоэтики в прозе российского писателя Евгения Водолазкина. Цель работы – выявить и показать специфику мифопоэтики в прозе Евгения Водолазкина на материале романов «Соловьев и Ларионов» и «Оправдание Острова». В качестве основных особенностей мифопоэтики в творчестве Водолазкина берутся следующие категории: соединение различных исторических эпох («межэпохальность»), мифологическая вневременность, а также нравственная категория, воспринятая через призму христианского миропонимания. Кроме того, автор статьи исследует образы главных героев и особенности хронотопа, которые также являются мифопоэтичными и призваны подсветить концептуальное видение истории и времени писателем. Специфика авторского мифа Водолазкина является последовательной в двух избранных романах, хотя писатель по-разному разрабатывает категории истории и времени в названных произведениях. В романе «Соловьев и Ларионов» история подается как взаимопроникновение и переплетение двух эпох – двадцатых и девяностых годов XX века. В романе «Оправдание Острова» Водолазкин обращается к истории мифического несуществующего Острова. По-разному в романах проявляется синтез художественного и документального – в «Соловьеве и Ларионове» документальное подается с точки зрения научного дискурса, в «Оправдании Острова» – через хроникальность повествования. Однако документальное начало в названных романах лишь подчеркивает мифопоэтичность художественного бытия.

Ключевые слова: мифопоэтика, историзм, мифологизм, вневременность, Е. Водолазкин

Для цитирования: Салахова А. Мифопоэтика в прозе Евгения Водолазкина (на материале романов «Соловьев и Ларионов» и «Оправдание острова») // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 3 (81). С. 176–181. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-176-181

Выявляя мифологические структуры в прозе Евгения Водолазкина, нельзя не обратить внимание на такие категории, как время и история, поскольку они являются концептуально важными. У Водолазкина, на наш взгляд, время нелинейно, а история – «неисторична» (исторические эпохи постоянно «размыкаются», выходя на межэпохальный уровень – не зря Евгений Водолазкин называл свою прозу «неисторической»). Попробуем подкрепить наши тезисы на материале произведений «Соловьев и Ларионов» (2009) и «Оправдание Острова» (2020). Оба этих романа характерны особым отношением к документу, источнику.

В романе «Соловьев и Ларионов» Водолазкин обращается к метамотиву своего творчества – взаимодействию исторических эпох и их влиянию друг на друга, а также времени и вневременности. Вопрос межэпохальности и вневременности в творчестве Водолазкина поднимался исследователями неоднократно [1], [2], [3]. Нам интересно проследить, как эти категории вплетаются в мифопоэтическую составляющую романа.

Сюжет романа разворачивается вокруг изучения аспирантом-историком Соловьевым биографии белого генерала Ларионова и поиска ответа на главный вопрос этой биографии: почему генерала не расстреляли красные во время взятия Ялты. В семантическое пространство романа включаются многочисленные научные канцеляризмы («Неслучайным представляется то обстоятельство» [4, с. 12], «как показал критический анализ» [Там же], «неслучайно то, что» [Там же, с. 36] и т. д.), а текст щедро снабжается сносками на существующие и выдуманные научные статьи исследования, что создает эффект достоверности повествования. Вместе с Соловьевым, шаг за шагом, читатель узнает значимые детали этой биографии, которая организует как бы некое рамочное повествование.

Однако биография генерала не разворачивается обособленно, параллельно жизни Соловьева – в конце концов, события биографии белого генерала начинают влиять на ход жизни молодого историка Соловьева, и разные эпохи – 1920-е и 1090-е гг. – как бы взаимопроникают одна в другую, эпохи начинают «мерцать» и «размыкаться». Такое влияние исторических эпох одна на другую довольно часто встречается в творчестве Водолазкина, на что указывали многие исследователи [1], [2], [3]. Прошедшее узнается в настоящем, но и настоящее также узнается в прошлом. Лучше всего авторское видение времени передают слова профессора Никольского, научного руководителя Соловьева:

«Время, <...> вопреки расхожим представлениям – улица с двусторонним движением. Возможно также, что этого движения вообще нет» [4, с. 186].

Создается особая ситуация мифологической «вневременности».

Ощутима эта ситуация «вневременности» и в жизни Соловьева, чьи исследования биографии генерала влияют на его собственную жизнь – так, именно через изучение биографии Ларионова Соловьев осознает глубину своей любви к Лизе Ларионовой (которая и сама становится связующим звеном между эпохами – именно через нее Соловьев получает последнюю, самую важную часть воспоминаний генерала). Однако особенно ощутима эта «вневременность» в жизни генерала Ларионова, события детства которого повторяются в его дальнейшей жизни:

«Молебен оканчивался. <...> Вне всякого сомнения, это в его жизни уже было. Как много все-таки довелось ему испытать незабываемых вещей. <...> Генерал смотрел, как метались на ветру седые волосы епископа. <...> В жизни генерала было и это. Такой же старец и такое же метание седины. Он только не мог вспомнить – где. Жизнь начала повторяться» [Там же, с. 355].

История в романе подается как игра подобий, повторение событий, чувств, мыслей и состояний:

«Настоящее повествование <...> склонно делать акцент на разнообразных сходствах и совпадениях, поскольку во всяком подобии есть свой смысл» [Там же, с. 22].

Некоторые события даже сливаются в восприятии генерала в одно неразделимое целое, прошлое и настоящее сливаются в один миг вневременности. Даже перед казнью (так, впрочем, и не состоявшейся) генерал сравнивает событие, происходящее с ним в настоящем, – подготовку к расстрелу на ялтинском моле, на фоне Ай-Петри – с воспоминанием из прошлого, из детства, когда отец подготавливал его к фотографии на фоне той же горы. У Водолазкина проглядывает идея «связанности всего на свете» [Там же, с. 156], влияния одних эпох на другие. Благодаря этому «размыканию» эпох герои как бы «выпадают» из исторического времени в авторском мышлении, погружаясь в измерение вечности, измерение мифологической вневременности.

Если говорить о личности генерала Ларионова, то и она принадлежит скорее мифологии, чем истории:

«Количество научных исследований значительно меньше числа романов, фильмов, пьес и т. д., в которых генерал предстает либо как действующее лицо, либо как прототип героя. Такое положение вещей как бы символизирует преобладание мифологии над положительным знанием во всем, что касается покойного. <...> Мифология проникла даже в научные статьи о полководце» [Там же, с. 12].

Генерал сравнивается с такими легендарными лицами, как спартанский царь Леонид, Митридат, кардинал Ришелье и генералиссимус Суворов. Образ генерала овеян всевозможными тайнами и загадками, главная из которых – почему генерала не расстреляли во время вступления красных в Ялту? Генерал Ларионов, на наш взгляд, предстает не как исторический, а скорее как эпический герой: читатель даже не узнает его имени и отчества, чаще всего он именуется просто как «генерал».

Итак, генерал Ларионов в читательском и авторском восприятии предстает не только историческим лицом, но и мифологическим. Однако Соловьев, историк, изучающий биографию генерала, герой-медиатор, связующий две эпохи, также относится к области мифа. Это подчеркивается обстоятельствами рождения Соловьева, что неслучайно – особое рождение характерно для персонажей мифа и эпоса [5, с. 323]. Это подчеркивается фамилией Соловьева (он – тезка легендарного историка Соловьева), зато имени Соловьева читатель, как и в случае с Ларионовым, так и не узнает, как и имени его матери. Соловьев родился на станции 715-й километр, в средней полосе России, в месте, у которого даже нет названия, но, что важно, находящегося в середине романного хронотопа: «*Посредине мира лежала станция 715-й километр*» [4, с. 32]. Вообще пространство романа достаточно четко делится на север – Петербург, юг – Крым, и середину – 715-й километр. То, что Соловьев родился в срединном месте, важно, поскольку в мифопоэтическом хронотопе середина, центр – средоточие космоса [6, с. 233], и неслучайно именно здесь Соловьев приходит к важному открытию касательно значимости Лизы Ларионовой в его жизни. Мать Соловьева работала регулировщицей на железной дороге – уже с самого детства Соловьева начинаются взаимопроникновения биографий Соловьева и Ларионова. К примеру, отец Ларионова также работал железнодорожником, хотя в семье Ларионовых все мужчины были потомственными офицерами (интересно, что Соловьев, описывая мать, подмечает в ее облике нечто «*капитанское*» [4, с. 34]). Водолазкин отмечает:

«Все, кто так или иначе связан с железной дорогой – люди по преимуществу взвешенные и неторопливые. Они знают толк в преодолении пространства» [4, с. 36].

Однако преодоление пространства – обыкновенно чуждого, хаотического, – характерно для героев мифа [7, с. 206–207] – не зря в романе именно Соловьев и Ларионов постоянно преодолевают чуждое пространство: Ларионов – ледяную пустыню Перекопского перешейка, Соловьев – пространства Крыма и Петербурга.

На протяжении повествования автор то приближает, то вновь отдаляет читателя от разрешения тайны главного вопроса: почему генерал остался жив? Окончательного ответа на него Водолазкин не дает. Ольга Гримова справедливо считает, что ответ на вопрос, почему генерала помиловали, нужно искать на уровне морально-нравственном, а не событийно-авантюрном [8, с. 61]. Речь идет об эпизоде, когда генерал Ларионов и капитан Жлоба, его заклятый враг, встретились на станции Гнаденфельд однажды ночью, и генерал помиловал Жлобу, аргументируя свой поступок тем, что «*смерть не способна ничему научить*» [4, с. 331]. Данный поступок относится к измерению чудесного и является «результатом нравственного усилия» [8, с. 61]. Вновь происходит выпадение из реального исторического времени и выход в то самое измерение чудесного, мифологического – в поле вневременности, вечности, непреходящих нравственных ценностей. Лучше всего понимание Водолазкиным роли нравственного усилия в истории сформулировано профессором Никольским:

«...события всемирной истории проф. Никольский отказывался оценивать по степени их прогрессивности. Для их оценки он допускал единственный критерий – нравственный. <...> История виделась ему рамой – иногда бедной, иногда роскошной, – в которую личность помещала свой портрет. Другого предназначения истории исследователь не предполагал» [4, с. 340].

Значимо и то, что эпизод встречи со Жлобой – ключевой для понимания ответа на главный вопрос биографии генерала, – Соловьев находит не где-нибудь, а в «*Полном своде русского фольклора*». Казалось бы, история как наука достоверная не может полагаться на такие источники, по крайней мере – всецело, и до поры до времени на рассказ о встрече Жлобы и генерала никто не обращал внимания, считая этот текст относящимся к области фольклора, то есть вымысла. Однако для Соловьева любой исторический документ, источник обладал исторической цен-

ностью [Там же, с. 179]. Соловьев задавался вопросом, насколько фольклорный текст может считаться историческим документом и что можно считать фольклорным текстом [Там же, с. 332–333]. Подобный ход мыслей приводит его к вопросу, «*в какой степени является вымыслом собственно история*» [Там же, с. 333]. Водолазкин ставит вопрос соотношения двойственной – исторической и романной – реальности и художественного вымысла, а вымысел является важным атрибутом мифа. Сам по себе рассказ встречи двух командиров – белого и красного – в романной структуре относится к области реально-го, однако и то, что этот эпизод явно напоминает фольклорный, и то, что главный для исследования биографии генерала документ находится в фольклорном сборнике, – неслучайно. Это подтверждает, что генерал Ларионов принадлежит скорее области мифа, и подтверждает также тезис, что в идейно-нравственной сфере вымысел является не менее значительным, чем реальность:

«...если вынести за скобки время, граница между вымыслом и реальностью исчезает» [Там же, с. 287].

Рассмотрению вопроса истории и времени посвящен и более поздний роман Водолазкина «Оправдание Острова». Здесь снова встает вопрос исторического документа и его достоверности. Роман представляет собой «синтез житийности и хроникальности» [2, с. 170], хронику последовательно сменяющихся князей, императора, а в новое время – председателей и президентов.

Историческую хронику ведут хронисты при монастыре (по стилю она похожа на «Повесть временных лет»), при этом она также сопровождается комментариями-замечками островной княжеской четы Парфения и Ксении. Такой сложной нарративной структурой автор достигает имитации достоверности излагаемого. Кроме того, основная хроника предваряется примечанием «От издателя», в котором рассказывается история находки «Истории Острова», что также придает повествованию достоверность. Однако достоверность эта – чисто мифологического порядка, по мнению Татьяны Прохоровой, она призвана усилить «относительность» островной истории [Там же].

Аллегоричность Острова, его универсальность, подчеркивает его островное положение. Уже сам островной хронотоп говорит об уединенности («любой остров есть уединение» [9, с. 362]), отшельничестве, замкнутости, изолированности. Замкнутое пространство часто становится символом постижения истины, раскрытия

своей подлинной сути [10, с. 28]. Островные люди отличаются от людей, населяющих континент: они «мягче» по своему нраву [9, с. 154], в сравнении с континентальными людьми они уподобляются детям [Там же, с. 321]. Островное бытие охватывает аллегорию на человечество вообще, оно представляет собой сумму универсального человеческого опыта, что делает образ Острова мифопоэтичным.

Мифопоэтичность хронотопа подчеркивают также универсально-обобщенные наименования топонимов – Остров, Гора, Город, Река, Континент, Север, Юг, Лес, Море. К примеру, северная столица Острова называется Город – можно сказать, что это Город вообще, Город Городов. Хронисты сравнивают Город с Содомом и Гоморрой, которые были уничтожены Богом за греховность – точно так же жители Города (и Острова вообще) были наказаны экологической катастрофой за свои грехи, однако, в отличие от Sodoma и Гоморры, среди жителей Острова все же нашлись праведники, спасшие Остров.

Этими праведниками оказывается княжеская чета Парфения и Ксении, обещанная друг другу с самого детства, дабы соединить две княжеские ветви – северную (Парфений) и южную (Ксения). Парфений и Ксения родились в Средневековье, пережили имперскую оккупацию Острова, революцию (имеющую явные аналогии с Октябрьской революцией, тогда как главный зачинщик революции Касьян имеет сходство с Лениным), военный коммунизм, тоталитаризм во главе с Маркелом, «оттепель» во главе с Власом, а затем, в современности, развитие нефтяного бизнеса, владычество крупных компаний и догмат капитализма. Хотя Парфений и Ксения не являются прародителями Острова, они явно унаследовали долгую жизнь первых людей – Адама, Евы, Ноя – в дни исполнения пророчества им было по 347 лет. Долгожительство отличает первых людей, потому что они «еще были полны райской вневременности. Стоя одной ногой в вечности, они только привыкали ко времени. По мере отдаления от Рая век их сокращался» [Там же, с. 22]. В этом смысле Парфений и Ксения живут как бы вне времени – по словам Ксении: «мы с Парфением находимся за пределами реальности» [Там же, с. 234]. Вновь читатель сталкивается с категорией вневременности, выпадения из исторической реальности.

В непосредственной истории Острова угадываются реальные события отечественной истории. Однако история Острова – это не только аллегория на историю. По сути, история Острова – это история универсальная, история вообще:

«Повествование об Острове Леклер рассматривает как метафору истории государства вообще. Может быть, даже всемирной истории» [Там же, с. 336].

При этом история в романе понимается не только как цепь сменяющих друг друга причин и следствий объективной человеческой реальности – точно так же эта история во многом мифологична. Здесь есть и момент Сотворения мира, и элемент фантастического, которые также составляют картину Островного бытия. История Острова имеет мифологические и библейские аллюзии. Сначала истории не было, потому что время не двигалось вперед – оно двигалось по спирали:

«Прежде у нас не было истории. Память хранила отдельные события, но только те, которые имели свойство повторяться. Оттого существование нашего как бы шло по кругу» [Там же, с. 11].

Только с принятием Островом христианства и началом летоисчисления могла появиться история:

«...вместе со временем началась история, потому что не существует история нигде, кроме как во времени» [Там же, с. 19].

Подобное понимание времени подразумевает, что есть начало времен и есть конец, что согласуется с библейской эсхатологией. Интересно, что один из монахов-летописцев, Иларию, выражающий христианское понимание истории, одновременно с этим высказывает мысль об эвтопии – такое видение очень напоминает мифологическое с его Золотым веком [11, с. 106]. Зато революционеры, напротив, считали, что высшая точка истории еще впереди, что свойственно утопии.

На протяжении всего повествования усиливается энигматическая интрига нахождения пророчества, а затем нарастания грехопадения островитян – кажется, будто с исполнением пророчества история закончится, и даже спасительная миссия Парфения и Ксении не внушает оптимизма. И все же, по мысли Водолазкина, история продолжается – такая, какая есть, с ее взлетами и падениями, благодаря нравственному усилию, относящемуся к области вечного. Леклер, режиссер биографического фильма о жизни Парфения и Ксении, назвал Беседу с Ним, упомянутую в пророчестве, попыткой оправдания Острова [9, с. 349]. Оправданием Острова Леклер считал Парфения и Ксению. Водолазкин в интервью журналу «Фома» сказал: «Видя праведника, хочется и самому таким быть» [12]. И действительно, в эти последние дни, на фоне разворачивающегося

Апокалипсиса, видя духовную жертву Парфения и Ксении, жители Острова стали лучше, добрее и сострадательнее, прикоснувшись к той вечности, которой принадлежат Парфений и Ксения:

«И воцарились меж нами мир и любовь, и все на Острове примирились друг с другом в надежде, что дни их продлятся» [9, с. 404].

Пока среди людей есть хотя бы двое праведников, история Острова будет продолжаться – и в этом ее надежда и оправдание.

Таким образом, рассмотрев романы «Соловьев и Ларионов» и «Оправдание Острова», мы определили «размыкание» исторических эпох (межэпохальность) и вневременность одними из ключевых категорий, составляющих художественный метод Евгения Водолазкина. Формы мифопоэтики названных романов связаны с нравственными категориями – милосердием и прощением в «Соловьеве и Ларионове», жертвенностью в «Оправдании Острова». Названные категории наряду с особой системой персонажей и с мифопоэтическим хронотопом составляют самобытный авторский миф.

Список источников

1. Калинина Н. В., Сонькин В. А. Историческое и «неисторическое» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Филология и культура. 2021. № 1 (63). С. 180–184.
2. Прохорова Т. Г. Особенности функционирования исторического дискурса в неисторической прозе Евгения Водолазкина // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 2 (72). С. 167–172.
3. Маглий А. Д. Времени нет. Евгений Водолазкин // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 18–33.
4. Водолазкин Е. Г. Совсем другое время. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016. 477 с.
5. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература РАН, 2004. 466 с.
6. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
7. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 608 с.
8. Гримова О. А. Нарративная интрига в современном романе (Е. Г. Водолазкин «Соловьев и Ларионов») // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 1 (56). С. 60–62.
9. Водолазкин Е. Г. Оправдание Острова. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. 405 с.
10. Комаров С. Г. Остров как притчевый хронотоп в английской драматургии XX века // Филология и человек. 2007. № 4. С. 26–40.
11. Батрин И. Е. Смысловые основания мифа «о золотом веке» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5 (61). С. 106–108.

12. Каплан В. Как понимать «Оправдание Острова»: мы поговорили с Евгением Водолазкиным о его романе, а заодно о конце света // Журнал «ФОМА». 20 марта 2021. URL: <https://foma.ru/kak-ponimat-opravdanie-ostrova-my-pogovorili-s-evgeniem-vodolazkinym-o-ego-novom-romane-a-zaodno-o-konce-sveta.html> (дата обращения: 17.02.2025).

References

1. Kalinina, N. V., Son'kin, V. A. (2021). *Istoricheskoe i "neistoricheskoe" v romane E. G. Vodolazkina "Lavr"* [The Historical and the "Non-Historical" in the Novel "Laurus" by E. Vodolazkin]. *Filologiya i kul'tura*, No. 1(63), pp. 180–184. (In Russian)
2. Prokhorova, T. G. (2023). *Osobennosti funktsionirovaniya istoricheskogo diskursa v neistoricheskoi proze Evgeniya Vodolazkina* [Features of Functioning of Historical Discourse in Non-Historical Prose by Evgeny Vodolazkin]. *Filologiya i kul'tura*, No. 2(72), pp. 167–172. (In Russian)
3. Maglii, A. D. (2016). *Vremeni net. Evgenii Vodolazkin* [There Is No Time. Evgeniy Vodolazkin]. *Voprosy literatury*, No. 2, pp. 18–33. (In Russian)
4. Vodolazkin, E. G. (2016). *Sovsem drugoe vremya* [A Completely Different Time]. 477 p. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)
5. Meletinskii, E. M. (2004). *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: Rannie formy i arkhaiskie pamyatniki* [Origins of Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments]. 466 p. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. (In Russian)
6. Toporov, V. N. (1983). *Prostranstvo i tekst* [Space and Text]. *Tekst: semantika i struktura*. Pp. 227–284. Moscow, Nauka. (In Russian)
7. Propp, V. Ya. (2023). *Morfologiya volshebnoi skazki. Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Morphology of the Folktale. Historical Roots of the Folktale]. 608 p. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian)
8. Grimova, O. A. (2015). *Narrativnaya intriga v sovremennom romane (E. G. Vodolazkin "Solov'ev i Larionov")* [Narrative Intrigue in Modern Novel (E. G. Vodolazkin's "Solovyov and Larionov")]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, No. 1 (56), pp. 60–62. (In Russian)
9. Vodolazkin, E. G. (2021). *Opravdanie Ostrova* [Justification of the Island]. 405 p. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)
10. Komarov, S. G. (2007). *Ostrov kak pritchevyi khronotop v angliiskoi dramaturgii XX veka* [The Island as a Parable Chronotope in 20th Century English Drama]. *Filologiya i chelovek*, No. 4, pp. 26–40. (In Russian)
11. Batrin, I. E. (2014). *Smyslovye osnovaniya mifa "o zolotom veke"* [Meaning Foundation of the Myth "About the Golden Age"]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, No. 5 (61), pp. 106–108. (In Russian)
12. Kaplan, V. (2021). *Kak ponimat' "Opravdanie Ostrova": my pogovorili s Evgeniem Vodolazkinym o ego romane, a zaodno o kontse sveta* [How to Understand "Justification of the Island": We Talked to Evgeny Vodolazkin about His Novel and at the Same Time about the End of the World]. *Zhurnal "FOOMA"*. 20 marta 2021. URL: <https://foma.ru/kak-ponimat-opravdanie-ostrova-my-pogovorili-s-evgeniem-vodolazkinym-o-ego-novom-romane-a-zaodno-o-konce-sveta.html> (accessed: 17.02.2025). (In Russian)

The article was submitted on 28.06.2025

Поступила в редакцию 28.06.2025

Салахова Альбина Олеговна,
аспирант,
Саратовский государственный университет,
410012, Россия, Саратов,
Астраханская, 83.
AlyBellamy@mail.ru

Salakhova Albina Olegovna,
graduate student,
Saratov State University,
83 Astrakhanskaya Str.,
Saratov, 410012, Russian Federation.
AlyBellamy@mail.ru